

УДК 902.01

А. Н. Попов¹, А. В. Табарев²

¹ Дальневосточный государственный университет
Океанский пр., 37, Владивосток, 690950, Россия
E-mail: popov@museum.dvgu.ru

² Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: olmec@yandex.ru

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ В РАКОВИННЫХ КУЧАХ НА ЮГЕ ПРИМОРЬЯ

Погребальные комплексы являются исключительно редкой категорией находок для всей территории Дальнего Востока России. На памятнике Бойсмана-2 в Южном Приморье в 90-е – начале 2000-х гг. изучены 2 древних кладбища в раковинных кучах, которые содержали артефакты бойсманской культуры среднего неолита (6,5–4,7 тыс. л. н.). Их анализ позволяет сделать интересные предположения о ритуале, сопровождавшем погребения, и характере смерти отдельных погребенных. Не менее информативными представляются и одиночные погребения янковской культуры (2,8–2 тыс. л. н.) (Чапаево, Зайсановка-7, Поспелово-1), также связанные с раковинными кучами и демонстрирующие длительное сохранение погребальных традиций в южной части Российской Федерации Дальнего Востока.

Ключевые слова: Дальний Восток России, неолит, палеометалл, раковинные кучи, погребения, ритуал.

Памятник Бойсмана-2 получил название от бухты в южной части Приморья в акватории залива Петра Великого (42° 47' 20" с. ш., 131° 16' 30" в. д.). Он находится примерно в 500 м от современного берега моря на склоне небольшой сопки у устья р. Рязановка. Общая площадь памятника, по оценкам специалистов, составляет около 600 кв. м. Исследования на памятнике начались в 1987 г. и продолжались до 2005 г. [Попов, 1995; 2008; Попов и др., 1997; Lutaenko et al., 2007; Popov, Tabarev, 2008]. За это время археологи раскопали значительную часть раковинной кучи, под которой были обнаружены две группы погребений (по версии авторов раскопок – два могильника), находящихся на расстоянии порядка 18 м друг от друга (рис. 1, 1–2).

В первом могильнике на площади около 30 кв. м изучено 5 погребений – 3 одиночных и 2 коллективных, которые располагались по окружности с одним центральным захоронением. Во втором могильнике выделено шесть погребений (одиночные, парные и коллективные) – четыре вокруг пятого по

окружности диаметром около 4 м и одно в 4,2 м на север от общего комплекса.

Все захоронения, судя по условиям расположения различных земляных и раковинных слоев, совершены на погребальной площадке в небольших углублениях. В каждом таком ритуальном месте погребения расположены по окружности с одним центральным захоронением.

В первом могильнике в центре был погребен самый пожилой представитель коллектива – женщина в возрасте около 55 лет (погребение № 2), во втором могильнике центральным являлось парное захоронение, в котором находились останки пожилого мужчины и молодой женщины (погребение № 4). Все погребенные располагались на боку или лицом вниз в скорченном положении – ноги и руги согнуты и подтянуты к грудной клетке.

В других могилах были обнаружены одиночные, парные и коллективные захоронения. В одном из погребений найдены останки семи человек, уложенных в три ряда – первый состоял из возрастных мужчины

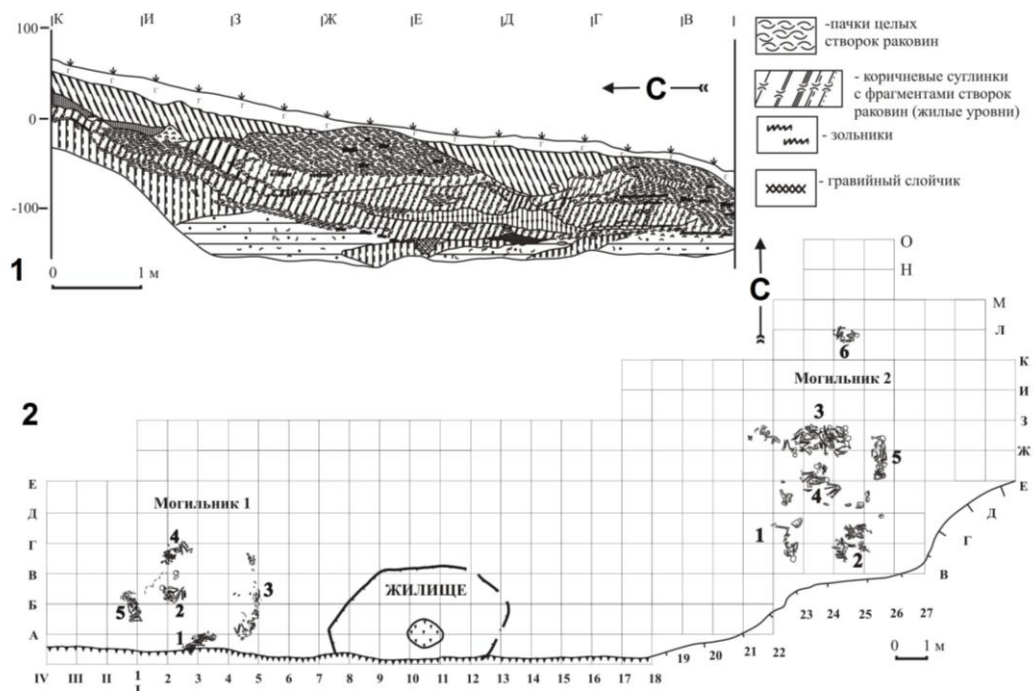

Рис. 1. Расположение неолитических могильников на памятнике Бойсмана-2:
1 – разрез по линии 21–21 (вид с запада); 2 – могильники (цифрами 1–5 обозначены номера погребений)
и жилище

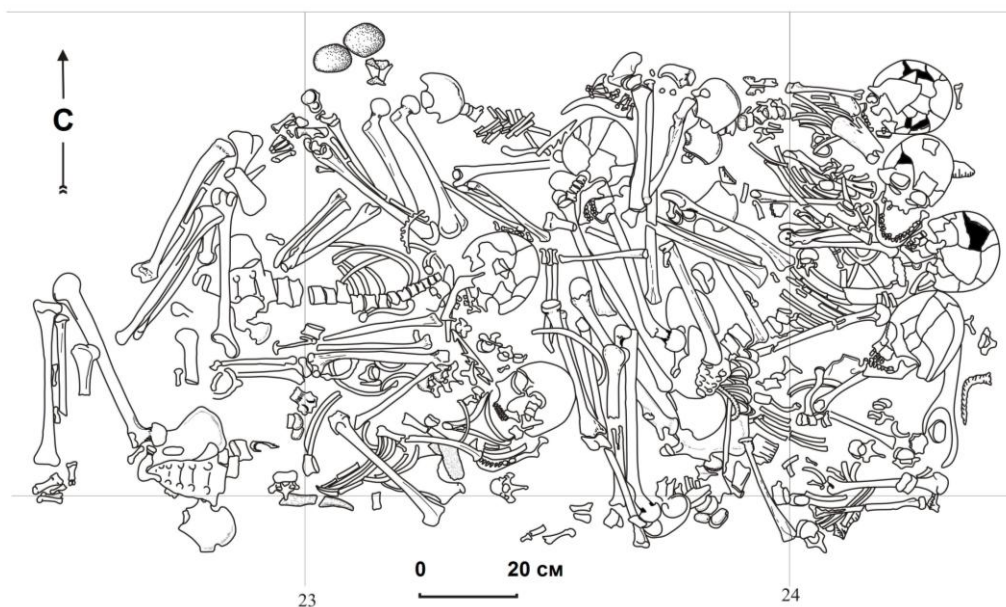

Рис. 2. Погребение № 3 могильника 2 на памятнике Бойсмана-2

и женщин, второй – индивидуум среднего возраста, а в третьем – четверо очень молодых персон (рис. 2). Во втором могильнике погребальная площадка была покрыта тонким слоем гравия.

Коллективное погребение № 1 могильника 1 содержит останки нескольких человек – скелет мужчины (около 20 лет), скелет женщины (40–45 лет), захороненной у него в ногах, а также фрагменты еще двух скелетов – подростка и ребенка (4–6 лет). В одном из позвонков нижней части позвоночника мужчины обнаружен застрявший обломок ретушированного наконечника стрелы, а внутри черепа, в районе шейных позвонков – целый шлифованный наконечник стрелы или дротика.

В погребении № 3 могильника 1 также зафиксированы костные останки нескольких погребенных – костяк подростка (14–15 лет) и частично сохранившийся скелет женщины (24–29 лет), между которыми компактно находились отдельные кости ребенка 7–8 лет, двух младенцев (около 2 лет каждому), челюсть женщины (18–20 лет), а также части черепной коробки и несколько зубов другой женщины (40–45 лет). Особый интерес представляет скелет женщины – следы огня на грудной клетке, остатки плода (женщина была беременна) и отверстие 2 × 3 см в области темени – результат удара тяжелым предметом, который мог быть причиной гибели.

Погребение № 5 могильника 2 представляет собой интересное парное захоронение мужчины и женщины, выполненное в ярусном формате – скелет женщины (25–30 лет) располагался непосредственно над скелетом мужчины (40–45 лет). Их разделял только тонкий слой (1–5 см) целых створок раковин устриц (*Grasostrea gigas*). Во время разборки костяка мужчины были обнаружены несколько наконечников стрел – около второго позвонка (ретушированный с жальцами), в районе горла и между ребрами внутри грудной клетки (длинные шлифованные), под правой плечевой костью и возле левой (ретушированный с жальцами). По мнению авторов раскопок, это явно указывает на насильственную смерть погребенного [Попов, 2008].

Примечательной деталью также является наличие преднамеренной деформации черепа с использованием нескольких видов деформирующих воздействий. Популяция

Бойсмана-2 является древнейшим носителем данной традиции в Азиатском регионе [Чикишева, 2003].

Средний рост мужчин составлял 162,8 см, женщин – 154,3 см. Средний возраст у мужчин равнялся 33,6 года, у женщин – 36,8. Женская группа в целом является морфологически более однородной, чем мужская, а наиболее яркие черты антропологического типа выражены именно на женских черепах. По своему типу антропологическая серия бойсманских могильников занимает промежуточное положение между группами монголоидов континентальной и тихоокеанской ветвей, проявляя наибольшее сходство с оленными чукчами, ульчами, нивхами, и наиболее близка к древним и современным сериям арктической расы [Попов и др., 1997; Чикишева, 2003].

Почти у всех костяков имелся сопроводительный инвентарь, судя по которому внутри бойсманского общества наблюдалась четко выраженная половая дифференциация: мужской набор составляли орудия рыболовно-охотничьего комплекса – костяные наконечники гарпунов и острог, каменные наконечники стрел и копий; женский – орудия для обработки добычи – костяные иглы, «рыбные» ножи, шилья, проколки, каменные пилки и отщепы. Только на предплечьях женских костяков были найдены ручные браслеты из раковин.

Некоторые типы орудий встречаются как в женских, так и мужских наборах: костяные цельнорезные крючки для ужения рыбы, каменные топоры (правда, в мужских они крупнее), керамическая посуда или ее остатки, различные украшения.

Проведенный анализ по стабильным изотопам углерода и азота в коллагене костей человека показал, что основу палеодиеты бойсманцев составляла морская пища животного происхождения [Йонеда и др., 1998; Yoneda et al., 1999]. Сопоставляя демографическую и остеологическую характеристики бойсманской серии, специалисты склонны считать, что жизненный уклад неолитического населения бухты Бойсмана был относительно устойчивым и спокойным, хотя некоторые признаки (в основном на зубах) указывают на нередкие болезни и голодание организма в период формирования зоны роста [Попов и др., 1997; Чикишева, 2003].

Насколько одновременны захоронения одного могильника – свидетельствуют ра-

диоуглеродные даты по разным скелетам из первого могильника Бойсмана-2 (табл. 1).

На территориях обеих площадок фиксируются следы поминальных костров в виде зольников различной мощности, в которых, или рядом, были найдены многочисленные остатки костей животных, птиц, рыб, целые и фрагментированные керамические сосуды, костяные и каменные орудия и украшения. Ритуальное место первого могильника состояло из зольных массивов, которые располагались в районе центрального погребения – в кв. А–Б/ П – 2 (см. рис. 1). Зафиксировано 2 яруса скоплений. Верхний прослежен в нижней части первой пачки целых створок раковин (уровень выбросов створок добытых моллюсков) и верхней трети толщи подстилающего коричневого суглинка с фрагментами створок раковин (жилой уровень) (30–40 см над центральным погребением). Скопление состоит из более чем десятка мелких переслаивающихся зольно-углистых пятен на площади $3 \times 0,8$ см с наибольшей мощностью 19 см в центре. Артефакты обнаружены под зольниками. Второй зольный ярус располагался в нижней части коричневого суглинка с фрагментами створок раковин (жилой уровень; 20 см над центральным погребением). Площадь $1,2 \times 0,8$ см при мощности до 8 см. Кроме того, в этом же горизонте над северным погребением № 4 обнаружены располагавшиеся по одной линии в 1 м друг от друга три крупных точильных камня, возле каждого – фрагмент оленьего рога.

Наиболее примечательно ритуальное (или поминальное?) место в районе второго

могильника. Основная часть располагалась в несколько ярусов на четырех квадратных метрах над центральным погребением (в основном в кв. Д – Е/23 – 24). Верхняя часть разрушена янковским жилищем. В остальном – отличная сохранность. Комплекс представлял собой переслаивающиеся зольники, иногда разделенные раковинными, угольными или гравийными прослойками с дополнением крупных камней. Весь массив проходил практически через толщу раковинных отложений от верха раковинной кучи до погребальной площадки. При этом фиксировались верхняя пачка целых створок раковин, последующий слой коричневого суглинка с фрагментированными створками раковин (жилой уровень), вторая пачка целых створок раковин и, наконец, собственно погребальная площадка.

Верхний зольник располагался в средней части верхней пачки целых створок раковин (мощность пачки до 30 см) и занимал площадку $2 \times 0,75$ м при мощности 15 см в центре. Он подстилался тонким слоем пережженных раковин, который оконтуривался очень тонким углистым пятном. Артефакты – разрозненные фрагменты бойсманской керамики, были обнаружены только в зольнике.

Зольно-углистый массив второго яруса состоял из переслаивающихся скоплений пеплово-зольных пятен, имел размеры $2,3 \times 2$ м при мощности до 12 см. Он располагался в нижней части верхней пачки целых створок раковин. На поверхности массива зафиксированы 9 крупных камней, составлявших круг с диаметром около 1 м. Один

Таблица 1

Радиоуглеродные даты по костякам из могильника 1 на памятнике Бойсмана-2 (неолит, бойсманская культура)

Погребение	Возраст, л. н.	Индекс и номер даты	Пол
Погребение 1	$6\ 080 \pm 70$	TERRA-b06129705	Костяк Б, женский
Погребение 1	$5\ 660 \pm 50$	TERRA-b06129706	Костяк не определен
Погребение 2	$5\ 860 \pm 100$	TERRA-06129717	Костяк женский
Погребение 3	$6\ 000 \pm 60$	TERRA-b06129718	Костяк А, мужской
Погребение 3	$6\ 020 \pm 60^*$	TERRA-b06129719	Костяк не определен
Погребение 3	$5\ 690 \pm 60$	TERRA-b06129730	Костяк Ж, мужской
Погребение 3	$5\ 780 \pm 70$	TERRA-b06129731	Костяк Б, женский
Погребение 4	$6\ 060 \pm 90$	TERRA-06129732	Костяк мужской
Погребение 5	$5\ 890 \pm 60$	TERRA-b06129733	Костяк мужской

из камней имел шлифовальную поверхность. В зольнике обнаружены только округлые и удлиненные гальки, некоторые из них расколоты. Подстилался тонким слоем пережженных раковин.

Далее располагалось зольное пятно площадью 2×1 м – нижний ярус очажных пятен для первой пачки целых створок раковин.

Следующий ярус очажных пятен имел площадь $1 \times 0,75$ м, мощность до 15 см. Очажные пятна в нем были переслоены тонкими гравийными подсыпками и раковинными прослойками. Он располагался в верхней части коричневого суглинка с битой ракушкой (первый жилой уровень раковинных отложений).

Ниже лежащий ярус очажных пятен занимал площадку 2×2 м при мощности линзовидного заполнения до 28 см. Внутри данного яруса очажные пятна переслаивались гравийными подсыпками и раковинными прослойками, в целом располагаясь на тонком слое пережженных раковин, границы которого были шире зольного массива на 90 см. Этот массив относился к нижней части коричневого суглинка с битой ракушкой. С данным ярусом связаны многочисленные находки бойсманской культуры – каменные и костяные орудия, развалы керамических сосудов.

Следующий ярус очажных пятен располагался во второй пачке целых створок раковин. При этом площадь зольных пятен увеличилась в восточном направлении, распространяясь на кв. Г–Ж/25–26. Мощность составила 8 см. Данный зольник подстилался тонким (0,5–0,7 см) слоем слабо окатанного гравия. Под ним – черный углистый слой (мощность 1–2 см), в котором была обнаружена повышенная концентрация вымершего тропического моллюска – меретрикса (*Meretrix luzoria*), имеющего перламутровое покрытие внешней и внутренней поверхностей раковины. В обоих слоях встречены только отдельные фрагменты бойсманской керамики.

Под углистым и гравийными слоями обнаружены пятна красной лимонитовой глины, а в кв. Д/25–26 – полоса грунта ярко-красного цвета (ширина до 70 см, длина (с запада на восток) – 2 м). Мощность линзовидного заполнения – до 20 см в центре, его содержание – перекаленный суглинок

с включениями золы и пережженных раковин, в котором встречены мелкие сильно обугленные фрагменты костей животных, птиц и рыб.

Данные слои залежали обширными пятнами, но на всей исследованной территории памятника обнаружены только в районе второго могильника.

Пятна красной глины, черно-углистый слой и гравийная площадка характеризуют погребальную площадку второго могильника, а многоярусные зольники – многолетние поминальные обряды над могильным местом.

Безусловно, могильник не был организован одновременно. Об этом свидетельствуют стратиграфические наблюдения. Центральное погребение – № 4, было совершено первым – над ним прослежены черно-углистый слой и линза красной глины. Затем вокруг него были совершены погребения № 1, 2, 5 – они расположены на гравийной площадке, которую подстилали черно-углистый слой и пятна красной глины. При этом более южные погребения № 1 и 2 отделены от северных линией крупных камней (10 камней, полосой 4 м с запада на восток), продолжением которой в восточную сторону является полоса прокаленного суглинка (еще на 2 м).

Погребение № 3 могло быть совершено одновременно либо позже погребений № 1, 2, 5, но без гравийной площадки, углистого слоя и красной глины. В целом погребения № 1–5 второго могильника составили единый могильный комплекс, объединенный ритуально-смысловым контентом погребальной площадки и многоярусными поминальными зольниками.

В таком случае следует ставить вопрос о хронологическом диапазоне функционирования представленного комплекса. Здесь следует учитывать тот факт, что поминальные зольники второго могильника пересекают большинство слоев раковинных отложений памятника, которые были датированы через каждые 5 см (из бровки по линии 21–21, пикет 3) (табл. 2).

Данная колонка располагалась в 1 м к востоку от погребения № 3 второго могильника и, на наш взгляд, может отражать временные рамки функционирования могильного комплекса, которые, учиты-

вая стратиграфическую ситуацию зольников и погребений, располагаются между $4\,930 \pm 95$ и $6\,215 \pm 130$ тыс. л. н., что составляет более 1 000 лет.

Еще одним примечательным фактом является определенный порядок формирования раковинных отложений. На исследованной площади изучено три курганоподобных массива таких отложений. Под западным массивом (11×5 м) располагался первый могильник, под вторым массивом (10×7 м) обнаружено жилище, под третьим (восточным на сегодня) (8×8 м) – второй могильник.

Учитывая богатый сопроводительный материал (орудия из камня, костяные гарпуны, изящно орнаментированные сосуды, украшения из рога, кости и раковин), искусственную деформацию черепов, а также целый ряд других обстоятельств, мы предварительно интерпретировали памятник как погребальный комплекс племенной элиты, существовавший на побережье достаточно продолжительное время и регулярно посещавшийся для проведения поминальных церемоний и обрядов [Табарев, 2002; 2007; 2008; 2009].

Следы насилия в неолитических погребениях памятника Бойсмана-2 могут быть отражением как ритуальной, так и конфликтной ситуаций [Табарев, 2009]. Так, погребения в могильнике 1 – наконечник выпущенной с близкого расстояния стрелы в позвонке, теменной пролом головы, следы «очистительного огня» – на наш взгляд, указывают на обрядовый характер, а расположение наконечников в скелете погребения № 5 во втором могильнике – о смерти в результате вооруженного конфликта.

К настоящему времени в Приморье известно 3 местонахождения с антропологическим материалом в раковинных кучах, которые датируются ранним железным веком. Все они относятся к Янковской археологической культуре (2,8–2 тыс. л. н.). В 70-е гг. Ж. В. Андреевой раскопан могильник на территории поселения Чапаево-17, состоящий из 18 погребений [Андреева и др., 1986. С. 33–38]. Большинство погребений совершены в котловане жилища (почти все на спине в вытянутом положении) и одно – в раковинной куче. В последнем случае костяк располагался на правом боку в вытянутом положении, руки согнуты

в локтях. Погребальная яма не зафиксирована, инвентарь – украшения у головы и груди, скопление галечных грузил в полуметре на восток от стоп. Антрополог И. И. Гохман отнес погребенных в Чапаево к байкальскому антропологическому типу [Алексеев, Гохман, 1984].

На памятнике Зайсановка-7 в 2007 г. обнаружено одиночное погребение, располагавшееся на поверхности поздненеолитической раковинной кучи [Zaisanovka 7 Site, 2005]. Костяк располагался в скорченном положении на правом боку. Погребальный инвентарь исследователями не идентифицирован.

Одиночное погребение на стоянке Поспелово-1 вскрыто в 2008 г. Так как во время спасательных раскопок была изучена вся территория памятника, известен контекст его расположения. Памятник представляет собой серию из восьми дискретных раковинных куч, залежавших на вершинной части пересыпи (косы) – древней террасе волновой аккумуляции, сложенной галечниками и песками. Кучи были вытянуты цепочкой с востока на запад, по направлению расположения косы, на расстоянии от 60 до 25 м от моря. Площадь от 18 до 165 кв. м при мощности до 80 см. Погребение обнаружено на восточной периферии самой крупной раковинной кучи в центральной части памятника [Лазин, 2009] (рис. 3, 1). Скелет лежал скорченно на левом боку; ориентация тела головой на юг, ногами на север в направлении берега моря. По предварительному определению здесь была захоронена женщина 18–25 лет. Скелет сохранился почти полностью, в анатомическом порядке. Костяк располагался в небольшом углублении в материковом грунте и сверху засыпан землей с галькой, насыпь была обложена камнями (рис. 3, 2). Под обкладкой из камней обнаружен развал керамического сосуда, среди черепков отмечено скопление рыбных костей, рядом с развалом – небольшое зольное пятно. В 60 см к юго-востоку от черепа обнаружено небольшое скопление костей, среди которых – фрагмент челюсти собаки (?), здесь же – костяной рыболовный крючок. Над грудью погребенной обнаружена створка моллюска – гребешка. Кроме того, в погребении были найдены 2 костяных орудия, 2 галечных грузила.

Таблица 2

Радиоуглеродные даты раковинной кучи
(между пикетами Ж/21 и 3/21) на памятнике Бойсмана-2
(неолит, бойсманская культура)

Положение образца	Возраст, л. н.	Индекс и номер даты	Вид моллюсков
Первая пачка целых створок раковин, глубиной 0,35–0,40 м от дневной поверхности	4 815 ± 140	СОАН-4131	<i>Crassostrea gigas</i>
Первая пачка целых створок раковин, глубиной 0,40–0,45 м	4 805 ± 80	СОАН-4132	<i>Crassostrea gigas</i>
Первая пачка целых створок раковин, глубиной 0,45–0,50 м	4 870 ± 90	СОАН-4133	<i>Crassostrea gigas</i>
Первая пачка целых створок раковин, глубиной 0,50–0,55 м	4 930 ± 95	СОАН-4134	<i>Crassostrea gigas</i>
Первый слой коричневого суглинка с фрагментированными створками раковин, глубиной 0,55–0,60 м	5 125 ± 95	СОАН-4135	<i>Crassostrea gigas</i>
Первый слой коричневого суглинка с фрагментированными створками раковин, глубиной 0,60–0,65 м	5 160 ± 140	СОАН-4136	<i>Crassostrea gigas</i>
Первый слой коричневого суглинка с фрагментированными створками раковин, глубиной 0,65–0,70 м	5 190 ± 80	СОАН-4137	<i>Crassostrea gigas</i>
Первый слой коричневого суглинка с фрагментированными створками раковин, глубиной 0,70–0,75 м	5 210 ± 120	СОАН-4138	<i>Crassostrea gigas</i>
Первый слой коричневого суглинка с фрагментированными створками раковин, глубиной 0,75–0,80 м	5 270 ± 80	СОАН-4139	<i>Crassostrea gigas</i>
Первый слой коричневого суглинка с фрагментированными створками раковин, глубиной 0,80–0,85 м	5 295 ± 85	СОАН-4140	<i>Crassostrea gigas</i>
Первый слой коричневого суглинка с фрагментированными створками раковин, глубиной 0,85–0,90 м	5 315 ± 115	СОАН-4141	<i>Crassostrea gigas</i>
Вторая пачка целых створок раковин, глубиной 0,90–0,95 м	5 985 ± 110	СОАН-4142	<i>Crassostrea gigas</i>
Второй слой коричневого суглинка с фрагментированными створками раковин, глубиной 0,95–1,00 м	6 215 ± 130	СОАН-4143	<i>Crassostrea gigas</i>
Контакт второго слоя коричневого суглинка с фрагментированными створками раковин и постраковинного суглинка, глубиной 1,0 м	6 650 ± 60	СОАН-4513	<i>Meretrix lusoria</i>

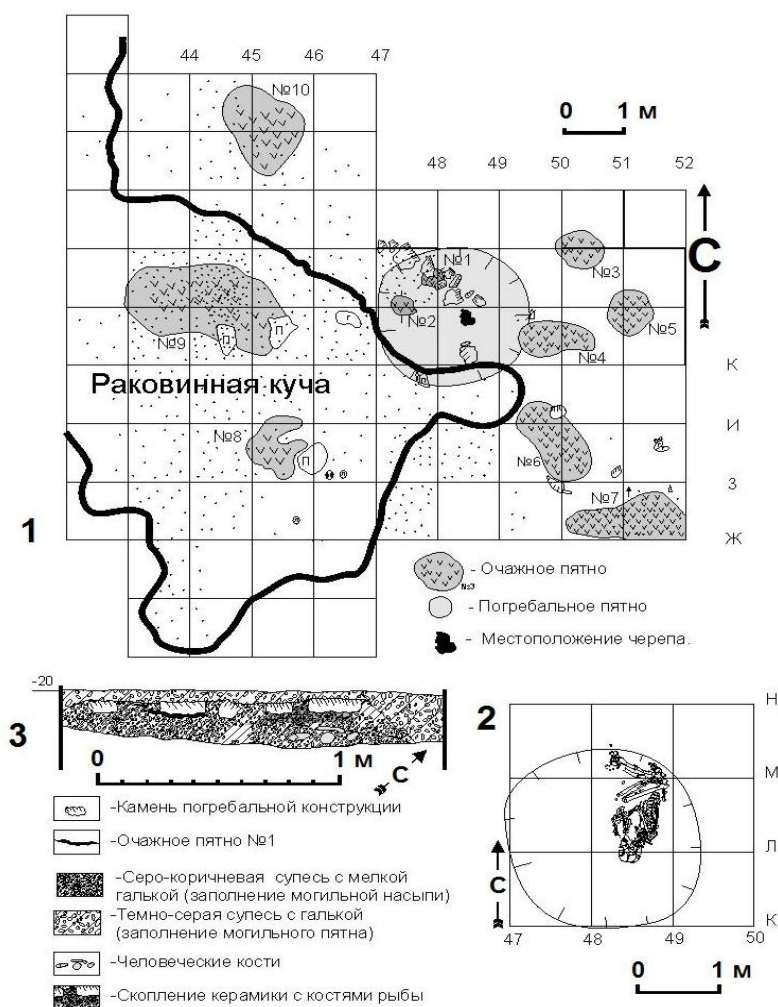

Рис. 3. Погребение раннего железного века на памятнике Поспелово-1 (янковская культура): 1 – расположение погребения и очагов; 2 – расположение костяка; 3 – стратиграфический разрез погребения

Особый интерес представляет наличие зольных пятен вокруг захоронения – их обнаружено 10. Пятна имеют разную форму (от 20 кв. см до 1 кв. м) и мощность (от 1 до 16 см), образуя для погребения своеобразный контур из костров, что позволяет предполагать их ритуальный характер.

Таким образом, рассмотренные в настоящей публикации материалы свидетельствуют, на наш взгляд, о длительном существовании у прибрежных обитателей южной части Российского Дальнего Востока традиции захоронения в раковинных кучах, наличии сопроводительных и последующих поминальных обрядов, а также ритуальном и военном характере причин, приводивших к смерти.

Список литературы

- Алексеев В. П., Гохман И. И. Антропология азиатской части СССР. М., 1984. 180 с.
- Андреева Ж. В., Жущиховская И. С., Кононенко Н. А. Янковская культура. М., 1986. 215 с.
- Йонеда М., Кузьмин Я. В., Морита М., Попов А. Н., Чикишева Т. А., Шибата Я., Шпакова Е. Г. Реконструкция палеодиеты по стабильным изотопам углерода и азота в коллагене костей из неолитического могильника Бойсман-2 (Приморье) // Гуманитарные науки в Сибири. 1998. № 3. С. 9–13.
- Лазин Б. В. Погребальный комплекс раннего железного века на памятнике Поспелово-1 во Владивостоке // Археология и этно-

графия Азиатской части России: Материалы XLIX регион. археол.-этногр. конф. студентов и молодых ученых. Кемерово, 2009. С. 140.

Попов А. Н., Чикишева Т. А., Шпакова Е. Г. Неолит южного Приморья (бойсманская археологическая культура). Новосибирск, 1997. 96 с.

Попов А. Н. Неолитический могильный комплекс на многослойном поселении Бойсмана-2 в Приморье // Гуманитарные науки в Сибири. 1995. № 3. С. 12–24.

Попов А. Н. Погребальные комплексы на многослойном памятнике Бойсмана-2 в Южном Приморье // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 2 (34). С. 68–76.

Табарев А. В. Танцы с бифасами (обсидиан в ритуально-обрядовой практике индейцев Северной Америки) // История и культура Востока Азии: Материалы международного конф., посвящ. 70-летию В. Е. Ларичева. Новосибирск, 2002. С. 154–158.

Табарев А. В. Устрицы и археологи (о термине «аквакультура» в дальневосточной археологии) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 4 (32). С. 52–59.

Табарев А. В. Престижные технологии, промысловые ритуалы и комплексные общества эпохи камня, Дальний Восток России // Неолит и неолитизация бассейна Японского моря: человек и исторический ландшафт. Владивосток, 2008. С. 218–224.

Табарев А. В. По следам загадочного танца // Сибирь на перекрестке мировых религий: Материалы IV Межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. памяти выдающегося ученого и педагога, специалиста по библеистике, проф. НГУ Михаила Иосифовича Рижского. Новосибирск, 2009. С. 215–219.

Чикишева Т. А. Результаты исследования новых палеоантропологических материалов

из могильника на поселении Бойсмана-2 (раскопки 1998–2000 гг.) // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: Материалы международного конф. «Из века в век», посвящ. 95-летию со дня рождения акад. А. П. Окладникова и 50-летию Дальневосточной археологической экспедиции РАН. Новосибирск, 2003. С. 209–213.

Lutaenko K. A., Zhushchikhovskaya, Miki-shin Y. I., Popov A. N. Mid-Holocene Climatic Changes and Cultural Dynamics in the Basin of the Sea of Japan and Adjacent Areas // Climatic Change and Cultural Dynamics. A Global Perspective on Mid-Holocene Transitions / Eds. D. G. Anderson et al. L., 2007. P. 331–406.

Popov A. N., Tabarev A. V. Neolithic Cultures of the Russian Far East: Technological Evolution and Cultural Sequence // Turkish Academy of Sciences Journal of Archaeology. 2008. Vol. 11. P. 41–62.

Tabarev A. V. On the Dark Side of the Neolithisation: Evidences of Violence in the Neolithic Burials at Boisman-2 Site, Russian Far East // Neolithisation and Modernisation: Landscape History on East Asian Inland Seas. Kyoto, 2009. P. 131–138.

Yoneda M., Kuzmin Y. V., Shibata Y., Popov A. N., Chikisheva T. A., Shpakova E. G. Preparation and Dating of Bone Samples at NIES-TERRA – A Case Study of Human Bones from the Boisman II Site, Russia // Proc. of the Int. Workshop on Frontiers in Accelerator Mass Spectrometry. National Institute for Environmental Studies (Tsukuba), National Museum of Japanese History (Sakura). 1999. P. 259–265.

Zaisanovka 7 Site. Excavation 2004. Kumamoto University, 2005. 76 p.

Материал поступил в редколлегию 26.01.2010

A. N. Popov, A. V. Tabarev

BURIAL COMPLEXES IN SHELL MOUNDS, SOUTHERN PRIMORYE

Burial complexes are a very rare category of archaeological sites for the whole territory of the Russian Far East. During 1990 – early 2000th two groups of burials in the shell mounds were studied at the Boisman-2 Site. They included artifacts of Boisman culture dated within Middle Neolithic (6,5–4,700 BP). Their investigation leads to the interesting suggestions about burial ritual and the nature of death of some burials. Of the same informative significance are single burials of Yankovskaya culture (2,8 – 2,000 BP) (Chapaev, Zaisanovka, Pospelovo-1). They are also connected with shell mounds and demonstrate the long existence of burial traditions in the southern part of the Russian Far East.

Keywords: Russian Far East, Neolithic, Paleometall, shell mounds, burials, ritual.